

Образы *нормальной* и *успешной* коммуникации¹

С. Ю. Бочавер

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация: Рассматриваются две модели коммуникации: референциальная, предложенная О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзиным, и неререференциальная, предложенная Г. П. Грайсом. Выявляются их сходства и различия в оценке успешности коммуникации. Предложено возможное развитие этих моделей. В основе систем лежит сходная многопараметровая модель коммуникации. Что делает возможным непосредственное сопоставление конверсационных максим Грайса и постулатов нормального общения Ревзиных. Неререференциальная система Г. П. Грайса является менее строгой по отношению к акту коммуникации, чем референциальная система О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзина, поскольку вводит меньше параметров для его оценки. На современном этапе исследований коммуникации представляется возможным анализировать общение, эксплицитно, включая в коммуникативный акт наблюдателя и его метаязыковую рефлексию.

Ключевые слова: Коммуникация, референция, конверсационные максимы.

УДК: 81.42.

Контактная информация: Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1. ИЯз РАН. Тел. (495) 690 03 36. E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com.

На протяжении последних десятилетий можно наблюдать устойчивый рост интереса исследователей к понятию коммуникации, а само оно давно стало предметом междисциплинарного знания. Коммуникацию изучают в лингвистике, биологии, педагогике, политологии, психологии, социологии, философии, что делает особенно актуальным уточнение терминологии, сопоставление различных подходов и выявление сходств и различий между ними.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».

Целью данной статьи является анализ некоторых общетеоретических положений, связанных с понятием успеха в коммуникации, а также *образа коммуникации*, который можно реконструировать на их основании. Мы опираемся на работу Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» [Grice, 1975a; 1975b] и используем введенное им понятие *конверсационной максимы*, а также на работу О. Г. Ревзиной и И. И. Ревзина «Семиотический эксперимент на сцене» [1971] и выделенные ими *постулаты нормального общения*. Именно на этих классических работах основаны многие современные исследования по коммуникативистике.

Любопытно, что эти статьи появились практически одновременно. Статья Ревзиных была опубликована раньше, чем статья Грайса, в 1971 году, в пятом выпуске «Трудов по знаковым системам», в том же году статья была опубликована на французском языке в четвертом выпуске журнала «Semiotica» [Revzina, Revzin, 1971]. Можно предположить, что благодаря этому западные ученые могли ознакомиться с моделью, предложенной Ревзиными. Важно отметить, что в основе статьи лежит «текст доклада, прочитанного авторами на занятиях Летней школы по вторичным, моделирующим системам в Кяэреку в августе 1966» [Ревзина, Ревзин, 1971, с. 254], а на дискуссии присутствовал Р. О. Якобсон, который мог способствовать распространению идей Ревзиных за пределами территории СССР¹.

В 1975 году статья Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» была опубликована дважды: в третьем выпуске «Синтаксиса и семантики» [Grice, 1975a] и в сборнике **The Logic of Grammar** [Grice, 1975b]. В этом же году был опубликован перевод статьи Ревзиных на английский [Revzina, Revzin, 1975].

О. Г. Ревзина и И. И. Ревзин изучают законы коммуникативного акта на материале драматургии Э. Ионеско [Ревзина, Ревзин, 1971]. Рассматривая пьесы «Урок» и «Лысая певица», авторы вводят понятие «нормального общения» и анализируют условия, в которых оно возможно.

Важнейшим свойством коммуникативной модели, которую они создают, является референциальность, иначе говоря, соотнесенность с *действительностью*, которая приравнивается к *контексту* (по Якобсону) [Ревзин, Ревзина, 1971, с. 232]. Напомним, как определяет контекст Якобсон: «контекст (context), о котором идет речь (в другой, не вполне однозначной терминологии, “референт” = referent); контекст должен восприниматься адресатом и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию» [Якобсон, 1975, с. 198]. Для дальнейшего анализа важно обратить внимание на имплицитно содержащееся в статье Ревзиных предположение, что *действительность* является одинаковой для действующих лиц пьес, автора и зрителей / читателей.

¹ Неизвестно, имел ли Грайс возможность познакомиться со статьей Ревзиных и общался ли он с Якобсоном. Представляется, что эту возможность нельзя полностью исключать. Грайс с 1967 года работал в Университете Калифорнии в городе Беркли (см.: Stanford Encyclopedia of Philosophy [сайт] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/grice/>). С 1967 по 1975 год Якобсон неоднократно посещал Калифорнию, читал лекции и работал в университете Salk Institute for Biological Studies [Rudy, 1999].

Рассматривая соотношение «текст – действительность», смысловую и логическую совместимость компонентов текста между собой и целым, Ревзины формулируют восемь «содержательных» *постулатов нормального общения*: постулат о детерминизме, постулат об общей памяти, постулат об одинаковом прогнозировании будущего, постулат об информативности, постулат тождества, постулат об истинности, постулат о неполноте описания, постулат о семантической связности текста» [Ревзина, Ревзин, 1971, с. 243].

Несоблюдение постулатов ведет к «распаду акта коммуникации». В анализируемой нами статье речь идет о неудачной коммуникации между персонажами пьес, которая возникает из-за несоблюдения перечисленных правил. Однако Ревзины не пишут о том, как именно влияет несоблюдение коммуникативных постулатов на других участников сценической коммуникации, оставляя за скобками фигуры автора, зрителя и исследователя.

Развивая идеи Ревзиных, можно говорить также о коммуникативном взаимодействии между автором пьесы (в данном случае, Ионеско) и зрителями / читателями, поскольку автор пьесы и его зрители или читатели принимают участие в сценической коммуникации наряду с действующими лицами пьесы и актерами, которые их репрезентируют. Несмотря на то, что Ревзины не пишут об Ионеско и о зрителях или читателях как участниках коммуникации, читатель их статьи легко реконструирует присутствие автора пьесы и зрителей / читателей за пределами схемы коммуникации, предложенной в статье [Ревзина, Ревзин, 1971, с. 242]. Авторы говорят об Э. Ионеско как об организаторе «семиотического эксперимента», что выявляет и присутствие *наблюдателей* «семиотического эксперимента», которые вместе с постановщиком эксперимента могут оценивать эксперимент и коммуникацию как успешную или неудачную, нормальную или ненормальную.

При изучении сценического общения можно выделить следующие коммуникативные ситуации.

1. **Коммуникация в пьесе** может рассматриваться как **замкнутая система**. В этом случае участниками общения являются персонажи (действующие лица) пьесы, есть все необходимые условия коммуникации, однако из-за нарушения «постулатов нормального общения» коммуникацию нельзя считать нормальной, а при нарушении нескольких постулатов (содержательных и технических) можно говорить о том, что «герои перестают понимать друг друга», о «распадении акта коммуникации», «разрыве контакта», «распадении кода» [Ревзина, Ревзин, 1971, с. 246], в современной терминологии описываемый Ревзиными феномен называется *коммуникативной неудачей*.

2. **Сценическая коммуникация**, как мы уже отметили, также включает автора, зрителей / читателей. При этом автор является адресантом, а зритель / читатель – адресатом. Соответственно общение между Ионеско (адресантом) и Ревзиными (адресатами) можно расценивать как успешное и кооперативное. Ревзины не рассматривают *кооперацию* как необходимое условие общения (этот термин был введен позднее Г. П. Грайсом), однако сами авторы статьи ведут себя именно как кооперативные читатели, которые заинтересованы в общении с автором. Они дешифруют его коммуникативные намерения и интерпретируют неудачную коммуникацию в пьесе как удачный эксперимент, т. е. рассматривают пьесу как удачную коммуникативную презентацию не-

удачной коммуникации, которая позволяет выявить закономерности, лежащие в основе нормального общения.

3. **Межличностная коммуникация** может включать в себя текст пьесы в качестве причины коммуникации или ее посредника. Можно рассматривать О. Г. Ревзину и И. И. Ревзина в качестве коммуникантов, а произведения Ионеско как среду, своего рода контекст¹, в котором и благодаря которому имело место общение авторов и написание рассматриваемой статьи.

4. **Дальнейшая коммуникация** между автором и зрителями / читателями может быть опосредована и осложнена текстом, содержащим рефлексивно-относительно исходного текста. Например, знакомство с произведениями Ионеско или другими пьесами может сопровождаться прочтением указанной статьи.

Действительность, по Ревзиным, является важным компонентом коммуникативной ситуации, поскольку коммуникативный акт получает статус нормального / ненормального только при соотнесении с действительностью. Иначе говоря, коммуникативная неудача, с точки зрения Ревзиных, возникает в тех случаях, когда нарушаются референциальные отношения между текстом и *действительностью*. Следует отметить, что в анализируемой статье терминологическое определение *действительности* не дается, и проблемы референции также остаются за скобками.

Видимо, это связано не только со сложностью однозначного определения понятий *действительность* и *референция*, но и с неоднозначным статусом проблемы референции в лингвистике, ср.: «проблемы референции, несомненно, входят в задачи лингвистики» [Падучева, 1985, с. 7] vs. «проблема референтности (денотативности) высказывания и имени, играющая столь важную роль для онтологии, вряд ли является лингвистической проблемой» [Гудков, 2000, с. 15] (там же см. подробнее об истории этого тезиса).

Этой проблематике посвящено большое количество лингвистической и логической литературы. В отечественной лингвистической традиции установилось тождество между понятиями *действительность* и *реальный мир, реальность, действительное положение дел* и др. (см.: [Падучева, 1985; Арутюнова, 1982]). Во многих лингвистических работах слово *действительность* употребляется в своем бытовом значении, но функционирует в текстах как термин. Можно говорить об омонимии терминологии в лингвистике и философии².

Пример модели коммуникативной ситуации, в которой снята проблема референции, мы находим у Г. П. Грайса в статье «Логика и речевое общение» [Grice, 1975a; 1975b]. Естественным следствием изменения статуса референции является изменение статуса наблюдателя, который оценивает, правильно или неправильно ведут себя участники ситуации. В модели, созданной Грайсом, не учитывается *действительность*, но человеческий фактор принимается в расчет, что позволяет Грайсу сформулировать **принцип кооперации**. Грайс

¹ Контекст здесь нужно понимать с самым широким смыслом – так, как следует из определения Якобсона: «то, о чем идет речь».

² О триаде *воображаемое – символическое – реальное*, предложенной Ж. Лаканом, см.: [Лакан, 1998; Титова, 1994].

переносит фокус внимания с ситуации на ее участников, отмечая фундаментальную для человеческой коммуникации черту – кооперативность. Известно, что стремление к кооперации у человека выше, чем у других живых существ [Бурлак, 2011, с. 120], а М. Томаселло рассматривает кооперацию как основу глоттогенеза [Tomasello, 2008].

Данный принцип и предполагает, что все участники коммуникации действуют так, чтобы коммуникация была успешной. Грайс сформулировал принцип кооперации для говорящего: «Говори в соответствии со стадией разговора, общей (для собеседников) цели и направлением обмена репликами». Ср. формулировку принципа кооперации для слушающего: «Понимай в соответствии с ожиданиями говорящего на конкретной стадии разговора, общей (для собеседников) цели и направлением обмена репликами» [Демьянков, 2005, с. 28]. Видимо, принцип кооперации для наблюдателя в системе Грайса предполагает проявление лояльности к ситуации в целом и не требует соотнесения с собственными представлениями о мире.

Из принципа кооперации следуют все остальные правила общения, **конверсационные максимы: качества, количества, релевантности и ясности.**

Некоторые постулаты общения, сформулированные Ревзиными и Грайсом, легко сопоставимы. Например, максима качества, по Грайсу, эквивалентна постулату истинности, по Ревзиным; максима количества – постулату информативности; максима релевантности – постулату о неполноте описания; максима ясности – постулату о семантической связности текста.

Однако среди максим и постулатов Грайса есть эквивалент не для всех постулатов, предложенных Ревзиными. Мы не находим аналогов для постулатов, связанных с соотношением текста и действительности. В терминологии Грайса трудно найти эквивалент постулатов детерминизма, общей памяти, тождества и одинакового прогнозирования будущего.

Модель коммуникации, созданная Ревзиными, является референциальной и включает в себя взаимодействие с *действительностью*. Модель Грайса, созданная позднее, напротив, является неререференциальной, понятие *действительность* в нее не включено. Следствием различия рассматриваемых моделей является то, что одна и та же коммуникативная ситуация, рассмотренная в системе Грайса и в системе Ревзиных, может быть оценена по-разному. Общение может быть ненормальным в референциальной системе и, следовательно, неудачным. При этом в неререференциальной системе, где отсутствует оценка нормальности, та же ситуация может быть признана успешной.

Г. П. Грайс пишет об устном общении, о взаимодействии и кооперации собеседников. О. Г. Ревзина и И. И. Ревзин исследуют сценическую коммуникацию. Тем не менее представляется возможным последовательно применить все сформулированные ими принципы и к другим видам коммуникации.

Вслед за Ревзиными мы обратимся к анализу драматургии, поскольку сценическая коммуникация сочетает черты устного и письменного общения. В частности, можно говорить о выполнении принципа кооперации в театре. Для театра установка на его соблюдение означает кооперативное поведение со стороны автора и зрителей. Автор создает текст таким, что зритель может понять его. Зритель заинтересован в понимании и стремится понять

предложенный ему текст. Из этого следует, что у зрителя есть установка на восприятие и понимание, а у автора – на выражение и передачу информации.

Один из диалогов из «Лысой певички»¹ может быть оценен как аномальный только при соотнесении с действительностью. В нерепрезентативной системе этот диалог можно рассматривать как успешный: собеседники проявляют кооперативность (*Который что?; Не может быть!*), соблюдены максимы качества (с точки зрения коммуникантов информация является истинной), количества (высказывания информативны), релевантности (высказывания уместны) и ясности (в данном диалоге нет двусмысленностей, неясностей и т. п.).

Аналогично можно проанализировать одноактную пьесу Корпуса Барга «Театр буф. Помощь в покоях» (*Corpus Barga Teatro bufo. El ayuda de cámara*). Текст является диалогом между двумя персонажами: Хозяином (*El señor*) и Слугой (*El Criado*). Большая часть диалога строится по схеме вопрос хозяина – ответ слуги.

El señor. ¿Estoy despierto o dormido?

El Criado. El señor está despierto.

El señor. ¿Es de noche o de día?

El Criado. Es de día, señor.

El señor. ¿Debo llamar al timbre o no debo llamar al timbre?

El Criado. El señor debe llamar al timbre.

В этом диалоге нет явных лингвистических аномалий, максимы Грайса не нарушены. Слуга отвечает на вопросы, а Хозяин принимает его ответы. Ответы логичны и соответствуют максиме релевантности. Максима качества не нарушена, по крайней мере в тексте нет признаков того, что слуга говорит то, что считает неверным. Неясности и двусмысленности отсутствуют.

И референциальная, и нерепрезентативная модели репрезентируют идеальную человеческую коммуникацию, наблюдать которую мы можем крайне редко. В связи с чем указанные модели постоянно подвергаются критике, ср.: [Harnish, 1976; Leech, 1983; Davis, 1998; Гудков, 2000]². Однако неполное со-

¹ Миссис Мартин: Я видела на улице, рядом с кафе стоял господин, прилично одетый, лет сорока, который...

Мистер Смит: Который что

Миссис Смит: Который что?

Миссис Мартин: Право, Вы подумаете, что я придумала. Он нагнул и ...

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит: О!

Миссис Мартин: Да, нагнул.

Мистер Смит: Не может быть!

Миссис Смит: Он завязал шнурки на ботинке, которые развязались.

Трое остальных: Фантастика!

² См. также: *Schoolfield M. D. Rationality and Conversation: A Thesis on Grice's Theory of Conversation*. Edinburgh, 2007 // Edinburgh Research Archive [сайт] URL: <http://www.era.lib.ed.ac.uk/handle/1842/1918> (дата обращения: 26.01.2013).

ответствие эмпирических данных и теоретической модели не всегда говорит о некомпетентности последней.

В заключение отметим, что в основе систем, предложенных Ревзиными и Грайсом независимо друг от друга, лежит одна и та же многопараметровая модель коммуникации. При этом референциальная система является более строгой по отношению к акту коммуникации, чем нереференциальная, поскольку вводит больше параметров для его оценки. На современном этапе исследований коммуникации представляется возможным оценивать коммуникацию, эксплицитно включая в коммуникативный акт наблюдателя и его метаязыковую рефлексию.

Литература

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 5–40.

Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, CORPUS, 2011. 464 с.

Гудков Д. Б. Смысловый эллипсис и логика дискурса // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС-Пресс, 2000. С. 14–35.

Демьянков В. З. Кооперативность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: К 70-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова. Калуга; М., 2005. С. 28–36.

Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Пер. М. Титовой, А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1998. 432 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.

Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Семиотический эксперимент на сцене (нарушение постулата нормального общения как драматургический прием) // Труды по знаковым системам V. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971. С. 232–254.

Титова М. Читая Лакана: реальное субъекта // Логос. 1994. № 5. С. 190–195.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Сб. науч. ст. М.: Наука, 1975. 469 с.

Davis W. A. Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. N. Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech Acts / Eds. P. Cole, J. L. Morgan. P. 41–58.

Grice H. P. Logic and Conversation // *The Logic of Grammar* / Eds. D. Davidson, G. Harman. Encino, CA: Dickenson, 1975. P. 64–75.

Harnish R. M. Logical Form and Implicature // An Integrated Theory of Linguistic Ability. N. Y.: Crowell, 1976. P. 313–392.

Leech G. Principle of Pragmatics. 9th ed. L.: Longman, 1983.

Revzina O. G., Revzin I. I. Expérimentation sémiotique chez E. Ionesco (*La Cantatrice chauve et La Leçon*) // Semiotica. 1971. Vol. 4. Iss. 3. P. 240–262.

Revzina O. G., Revzin I. I. A Semiotic Experiment on Stage: The Violation of the Postulate of Normal Communication as Dramatic Device // *Semiotica*. 1975. Vol. 14. Iss. 3. P. 245–268.

Rudy S. Roman Jakobson: A Chronology // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 83–103.

Tomasello M. *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. 394 p.

Article metadata

Title: Images of *normal* and *successful* communication.

Author: S.Yu. Bochaver.

Author's e-mail: svetlana.bochaver@gmail.com.

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: In this article two models of communication are studied: referential one, proposed by O. G. Revzina and I. I. Revzin, and non-referential one formulated by H. P. Grice. The differences and similarities in these models have been detected. Possible developments are suggested for the both models. The both systems are based on a similar multi-parametrical model of communication which make possible a direct comparison of gricean conversational maxims and postulates of normal communication. A non-referential system by G.P. Grice is less strict in evaluation of an act of communication as successful or unsuccessful because it includes fewer parameters. Within the modern stage of studies of communication it is possible to analyze the conversation relying explicitly on a spectator and his / her metalinguistic reflection during the act of communication.

Key terms: communication, reference, conversational maxims.

Reference literature (in transliteration):

Arutjunova N. D. *Lingvisticheskie problemy referencii* // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. М.: Progress, 1982. Vyp. 13. S. 5–40.

Burlak S. *Proishozhdenie jazyka: fakty, issledovanija, gipotezy*. М.: Astrel', CORPUS, 2011. 464 c.

Gudkov D. B. *Smyslovoj ellipsis i logika diskursa* // *Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. st. / Pod red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotova*. М.: MAKS-Press, 2000. S. 14–35.

Dem'jankov V. Z. *Kooperativnost' obshhenija i stremlenie ponjat' sobesednika* // *Obshhenie. Jazykovoje soznanie. Mezhkul'turnaja kommunikacija: K 70-letiju doktora filologicheskikh nauk, professora Evgenija Fedorovicha Tarasova*. Kaluga; М., 2005. S. 28–36.

Lacan J. *Seminary. Kniga 1: Raboty Frejda po tehnikе psihoanaliza (1953/54)* / Per. M. Titovoj, A. Chernoglazova. М.: Gnozis, 1998. 432 s.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju*. М.: Nauka, 1985. 272 s.

Revzina O. G., Revzin I. I. *Semioticheskij jeksperiment na scene (narushenie postulata normal'nogo obshhenija kak dramaturgicheskij priem)* // *Trudy po znakovym sistemam V. Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Tartu*, 1971. S. 232–254.

Titova M. *Chitaja Lakana: real'noe sub#ekta* // *Logos*. 1994. № 5. S. 190–195.

Jakobson R. O. *Lingvistika i pojetika // Strukturalizm: «za» i «protiv» / Sb. nauch. st. M.: Nauka, 1975. 469 s.* Davis W. A. *Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.*

Grice H. P. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics. N. Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech Acts / Eds. P. Cole, J. L. Morgan. P. 41–58.*

Grice H. P. *Logic and Conversation // The Logic of Grammar / Eds. D. Davidson, G. Harman. Encino, CA: Dickenson, 1975. P. 64–75.*

Harnish R. M. *Logical Form and Implicature // An Integrated Theory of Linguistic Ability. N. Y.: Crowell, 1976. P. 313–392.*

Leech G. *Principle of Pragmatics. 9th ed. L.: Longman, 1983.*

Revzina O. G., Revzin I. I. *Expérimentation sémiotique chez E. Ionesco (La Cantatrice chauve et La Leçon) // Semiotica. 1971. Vol. 4. Iss. 3. P. 240–262.*

Revzina O. G., Revzin I. I. *A Semiotic Experiment on Stage: The Violation of the Postulate of Normal Communication as Dramatic Device // Semiotica. 1975. Vol. 14. Iss. 3. P. 245–268.*

Rudy S. *Roman Jakobson: A Chronology // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 83–103.*

Tomasello M. *Origins of Human Communication. Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. 394 p.*